

Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв.

И. Л. Измайлов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
410111, ул. Батурина, 7, г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация

Изучение булгарской государственности развивалось от постановки вопроса о ее варварском раннеклассовом характере до определения ее феодального характера. Однако само это определение не проясняет сути происходивших процессов и механизма реального становления средневекового булгарского общества. Важную роль в этих процессах играло военное сословие с его специфической культурой. При отсутствии полноценных письменных источников важную роль может сыграть изучение предметов вооружения и элементов воинской культуры VIII–X вв. В этот период булгарская военная структура приобретала черты, свойственные средневековым монархиям, но сохраняла еще элементы племенной организации, что было характерно для многих тюркских государств раннего средневековья. Элиту общества и государства, основу ее военной мощи составляло военно-служилое сословие, называемое в эпиграфических памятниках «йори/чори». Именно эта элита, сосредоточившая в своих руках основные рычаги государственной власти, являлась основой военной организации Булгарии X в. В этот период вырабатывается особый комплекс вооружения и дружинная культура. Одним из самых выразительных ее элементов являлись боевые наборные пояса как символ воинской доблести и социального статуса. В этот же период появляются такие новые элементы культуры, как рыцарские повести, переосмысливавшие героический эпос в исламском духе. Спецификой структуры власти в Булгарии является ее восточный облик, во многом сходный со структурой власти в Сельджукском султанате или Мамлюкском Египте, где тюркские кочевые племена представляли собой сословную элиту общества, выдвигающую правителей подвластных им территорий и населения.

Ключевые слова

Волжская Булгария, средневековое государство, военное дело, структура общества, дружинная культура, военно-служилое сословие, средневековое оружие, комплекс вооружения.

Для цитирования

Измайлов И. Л. Военно-служилое сословие и становление государства в Волжской Булгарии VIII–X вв. // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 164–197. DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-164-197

Military service class and the formation of the state on Volga Bulgaria of the VIII–X centuries

Iskander L. Izmailov

*Institute of history named of Sh. Marjani RT AN
420111, Kazan, Russian Federation*

Abstract

The study of the Bulgarian statehood developed from raising the question of its barbaric and early class character to determining its feudal definition. However, this characteristic itself does not clarify the essence of the processes that took place and the mechanism of the real formation of medieval Bulgarian society. It is known that, an important role in these processes was played by the military estate with its specific culture. Therefore, in the absence of full-fledged written sources, the study of weapons and elements of military culture of the VIII - X centuries can play an important role. During this period, the Bulgarian military structure acquired features characteristic of medieval monarchies, but still retained elements of tribal organization, which was characteristic of many Turkic states of the early Middle Ages. The elite of society and the state, the basis of its military power was the military service class, called in epigraphic monuments "chury /chory". It was this elite, which concentrated the main levers of state power in its hands, that formed the basis of the military organization of Bulgaria in the tenth century. During this period, a special complex of weapons and a squad culture is being developed. One of its most expressive elements was the combat typesetting belts, as a symbol of military valor and social status. During the same period, such new elements of culture as chivalrous stories appeared, reinterpreting the heroic epic in the Islamic spirit. The specifics of the power structure in Bulgaria is its eastern appearance, which is in many ways similar to the power structure in the Seljuk Sultanate or Mamluk's Egypt, where the Turkic nomadic tribes represented the class elite of society, nominating from their elite the rulers of the territories and population subject to them.

Keywords

Volga Bulgaria, medieval state, military affairs, structure of society, military culture, military service class, medieval weapons, weapons complex.

For citation

*Izmailov I. Military service class and the formation of the state on Volga Bulgaria of the VIII–X centuries // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 164–197.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-164-197*

Процессы становления и функционирования феодальных государств Восточной Европы давно привлекают внимание исследователей. Особый интерес вызывает в этом контексте государство волж-

ских болгар и его социально-политическая культура [Хузин, 2006. С. 139–150]. При всем разнообразии подходов к этой теме можно отметить одну закономерность. Изучение болгарской государственности развивалось от постановки вопроса о ее варварском раннеклассовом характере до определения ее феодального характера. Однако подобные схоластические рассуждения, основанные на примитивной компаративистике, не имеют особой ценности. Гораздо важнее выяснить реальные внутренние механизмы функционирования и эволюции болгарского общества. Во многом прогресс в рассмотрении социального и государственного строя Булгарии строился на сопоставлении отрывочных данных письменных источников с новыми теоретическими разработками средневековых обществ Евразии. Вместе с тем, возможности анализа археологических материалов еще далеко не исчерпаны. Ввиду отсутствия полноценных письменных источников важную роль должно сыграть изучение вооружения и структуры военно-служилого сословия Булгарии в X – начале XIII в.

Современные исследования показывают прямую связь между сложением государства и становлением военной дружины – предтечи и прообраза будущего военно-служилого сословия. Конные тяжело-вооруженные воины, по единодушному признанию историков, являлись символом средневековья. Именно отряды конницы не только главенствовали на полях сражений, но и определяли стержень развития вооружения и военного дела. Одновременно всадники являлись привилегированным слоем воинов – профессиональных военных – военно-служилой знатью. В этих условиях становление и развитие средневековой кавалерии неотделимо от процессов возникновения и укрепления слоя рыцарства – аристократии и их военных слуг.

Исторические аспекты процессов классовобразования, роли и месте в этих процессах вождей и их воинских формирований изучены довольно хорошо как с точки зрения исторической социологии и этнологии, так и конкретно применительно к различным обществам [Куббель, 1988. С. 226–251], в том числе у тюрков Центральной Азии [Серегин, Тишин, 2018. С. 47–65] и на Руси [Горский, 1984. С. 17–28; Горский, 1989]. Суммируя весь этот опыт, можно констатировать, что дружина – это постоянная организация профессиональных воинов во главе с военным вождем (правителем), существовавшая у многих народов в период перехода от родового к классовому обществу. Иногда этим термином именуют военные отряды, собираемые только во время военных действий (в целом ряде докапиталистических обществ в различные периоды их истории). Отличие заключается в том, что дружина в раннегосударственных образованиях и поте-

старных обществах на грани политогенеза являлась не только постоянно функционирующим институтом, но и особым слоем – сословием профессиональных воинов. Одновременно дружина представляла собой особый тип племенной элиты, отличающейся от института родоплеменных вождей своей надобщинной природой, которая в процессе классообразования стала военно-служилым сословием средневекового общества; в этом смысле термин «дружина» может служить синонимом понятий «военно-служилая знать» и «рыцарство», а понятие «дружинная культура» вполне сопоставимо с определенными оговорками с термином «рыцарская культура» [См.: Кардини, 1987. С. 26–175]. Но если для Киевской Руси и древнерусских княжеств связь между этими терминами разработана и понятна [Стефанович, 2009. С. 6–51; Стефанович, 2012. С. 45–128], то для Волжской Булгарии механизмы и формы трансформации традиций языческой дружины в военно-служилую культуру средневековой эпохи исследованы явно недостаточно.

Само понятие дружинной культуры не получило, к сожалению, в работах историков и этнологов развернутого определения, хотя неоднократно подчеркивалось, что она является основой формирования культуры эпохи феодализма, носит сословный, надэтнический и синкретичный характер, а для ее стилистики характерны такие черты как «пышность» и «репрезентативность» [Рыбаков, 1970. С. 27–28; Чернецов, 1985. С. 55–58]. Исследователями особо подчеркивается прямая и явная связь этой культурой с военным делом, вооружением и воинским снаряжением [Рыбаков, 1970. С. 27–28; Кирпичников, 1971. С. 55–61].

В традициях неокантианской философии и понимающей социологии дружинную культуру следует воспринимать в качестве социальной реальности, которая обладает специфическим значением и структурой для живущих и действующих сообществ. Для них эта реальность пронизана множеством невидимых связей и смыслов как материального, так и ментального порядка, образующих многомерную картину социального мира [Бурдые, 2007. С. 87–96]. В реальности же элементы различных социальных универсумов могут перемещаться, но не произвольно, а подчиняясь определенным закономерностям. Они заведомо инкорпорированы в социальные группы и имеют определенные отношения к группе, языку, этикету, мировоззрению и т.д. Иными словами, понятие «дружинная культура» можно определить как совокупность способов и средств, с помощью которых институционализируется деятельность сословия воинов-профессионалов (рыцарства), его образа жизни, обрядов, морали и этоса, а так-

же их материального оформления в costume, оружии и снаряжении (о структуре понятия «культура» см.: [Арутюнов, 1989. С. 5–6]).

Становление этой культуры прошло ряд этапов, а общей тенденцией развития был постепенно возрастающий разрыв с традициями родового общества. Оформление этого особого этоса происходило не сразу. Долгое время он сохранял внешние формы и образы, унаследованные от прошлого, но переосмысленные в соответствии с новыми условиями. Лучше всего эту трансформацию демонстрирует вооружение и воинские обычаи.

Булгары по традиции были конными воинами и уже в Подонье имели сложную племенную и сословную организацию. Инфильтрация на Среднюю Волгу и смешение с различными этническими группами несколько замедлила социальные процессы в булгарском обществе, однако к X в. наметились основные предпосылки и условия возникновения государственности. Начальный этап формирования дружинной культуры волжских булгар относится к VIII–IX вв., когда булгарское этнополитическое объединение начало консолидировать другие тюрко-угорские племена. На смену прежней языческой (о языческой культуре булгар см.: [Казаков, 1989. С. 12–22]) шла новая – сословная и надобщинная культура мусульманской аристократии.

Всего в раннебулгарских могильниках VIII–X вв. вскрыто до 1600 погребений, среди которых более чем в 100 найдены предметы вооружения. Анализ набора оружия ранних булгар показывает, что большинство из воинов были всадниками и почти все имели метательное вооружение. Более определенно погребенные мужчины разделяются по набору оружия ближнего боя. Первая группа имела комплекс вооружения, который состоял из сабель или копий, метательного оружия и конского снаряжения (в Большетарханском и Танкеевском могильниках процент таких погребений составляет от 6 до 10 %). Вторая группа – с боевыми топорами или иногда с кистенями и метательным оружием, а также с конским снаряжением. Третья, самая многочисленная, группа – в разных могильниках от 50 до 90 % – имела на вооружении метательное оружие, а также иногда конское снаряжение.

Вполне возможно, что на такое распределение оружия оказало искажающее влияние наличие большого числа ограбленных погребений, хотя есть основания считать более важными факторами религиозные и социальные причины. Вообще для памятников салтовского типа (как и для ранних булгар) характерен небольшой набор погребального оружия, поэтому очевидна связь каждого предмета вооружения с социальным рангом умершего. Сакрализация вида оружия в качестве показателя статуса воина в дружинной организа-

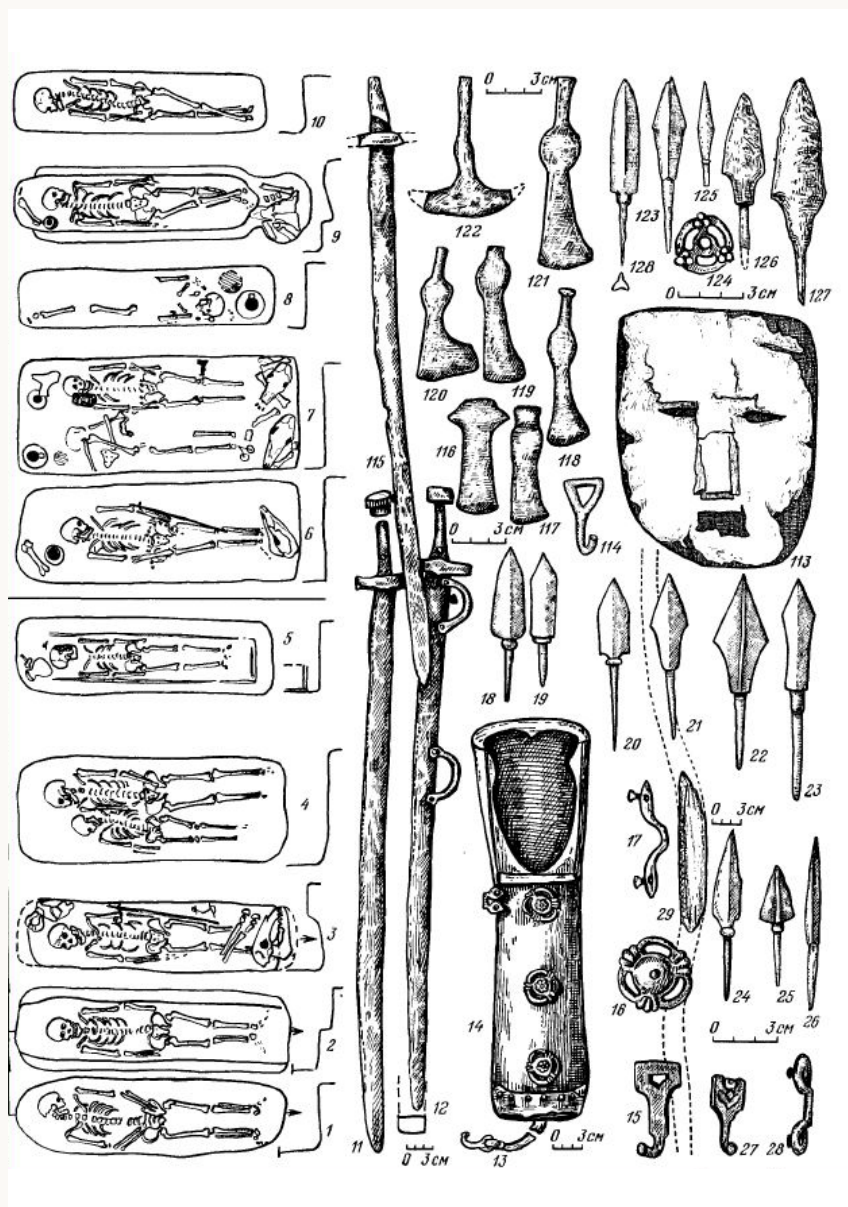

Рис. 1а. Материалы из булгарских погребений VIII–X вв. (по: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, рис. 52, 53)

Fig. 1a. Materials from the Bulgar burials of the 8th–10th centuries. (after: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Archeology of the USSR. M.: Nauka, 1981, fig. 52, 53)

ции показывает, с одной стороны, древность расслоения войска (так как оно успело закрепиться в погребальном культе), а с другой – далеко зашедший процесс выделения профессиональных воинов в особый воинский контингент. Разумеется, для разных племен VIII–X вв. он был неравномерен, но, несмотря на некоторые различия, в целом определенно указывает на существование у раннебулгарских племен конных дружин, отличавшихся от остальной части войска вооружением и, видимо, способом комплектования.

Оружие ближнего боя состояло из сабель, боевых топоров, копий и кистеней. Сабли булгар имели длину до 90 см, причем изгиб клинка был более 0,9 см. Перекрестья не отличались разнообразием, чаще всего использовались два типа: со слегка опущенными вниз концами, завершающимися шарообразными утолщениями, и прямые брусковидные. Всего в погребениях ранних булгар обнаружено 19 сабель и их обломков. В погребениях сабля чаще всего (в 10 случаях) лежала слева от костяка. Стабильное положение ее в могиле, подобное целому ряду других синхронных некрополей Восточной Европы, заставляет предполагать важную роль ее как символа привилегированного вооружения.

Особым разнообразием отличались боевые топоры ранних булгар. Всего их известно 50 экземпляров. Изучение их показало, что в большинстве зафиксированных случаев они имели особое место в погребении, располагаясь справа от погребенного. При этом они никогда не клались в погребение, которое сопровождалось саблями. Учитывая этот факт, а также способ применения их в бою и сравнительную многочисленность, можно выделить это оружие в следующую страту воинов-дружинников [Измайлов, 1989. С. 110–111; Измайлов, 1997. С. 133–137]. Копья также употреблялись булгарами, причем различными категориями воинов-всадников. Меньшее значение в наборе оружия играли кистени. Оружие дальнего боя было наиболее массовым вооружением и, скорее всего, не имело четкой военно-социальной дифференциации в силу своей универсальности.

Гораздо более интересные выводы получились при сопоставлении различных категорий предметов вооружения и всаднического снаряжения. На основании этого анализа можно сделать вывод, что основу булгарского войска составляли всадники (в разных могильниках соотношение в погребениях оружия с конским снаряжением колеблется в пределах 40–70 %). Выделяются богатством и разнообразием погребального инвентаря умершие, в могилу к которым была положена сабля (иногда вместе с копьем). Другая группа умерших сопровождалась топорами (или редко кистенями), а также наконечниками стрел

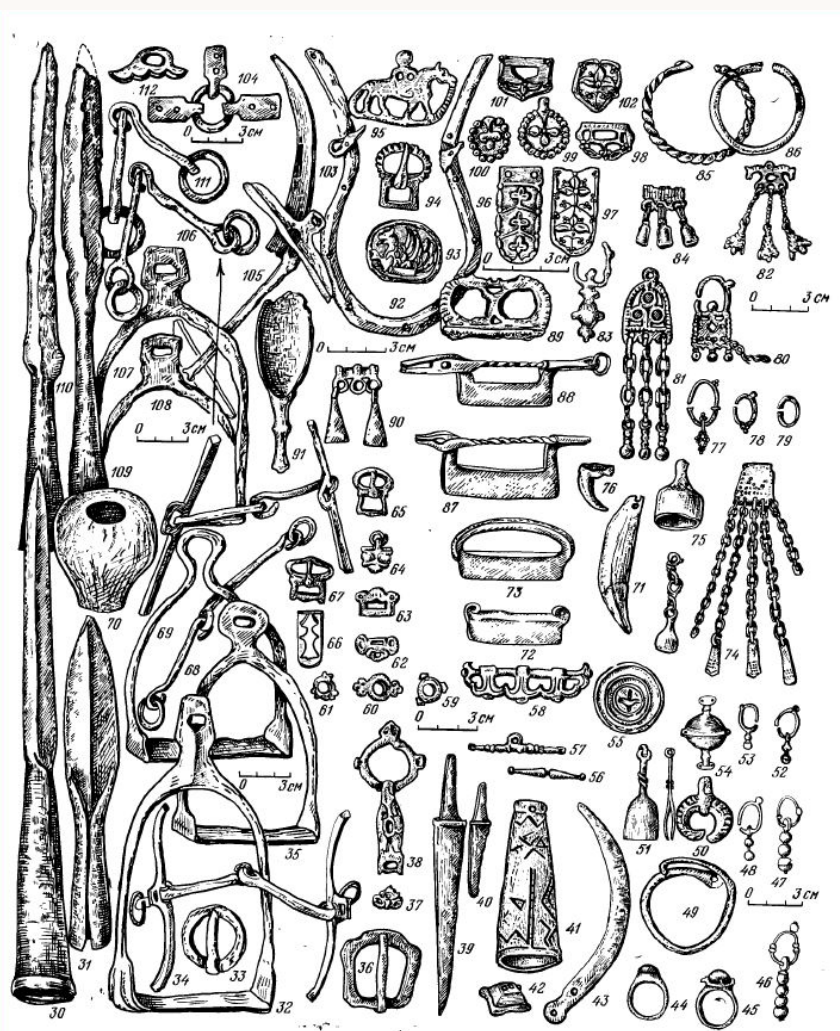

Рис. 16. Материалы из булгарских погребений VIII–X вв. (по: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, рис. 52, 53)

Fig. 16. Materials from the Bulgar burials of the 8th–10th centuries. (after: Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Archeology of the USSR. М.: Nauka, 1981, fig. 52, 53)

и конским снаряжением (или символическим конским комплексом – шкурой и головой коня). Третья группа умерших воинов сопровождалась в загробный мир только наконечниками стрел (иногда вместе с конским комплексом).

Распределение находок оружия в погребениях свидетельствует о начальном этапе формирования феодальной дружины уже с VIII в. [Измайлов, 1989. С. 107–121]. Направленность этих процессов свидетельствует об изменении количества погребений с оружием и возрастании степени обособления и консолидации дружины. Анализ набора оружия позволяет сделать вывод о специализации в применении боевых средств. Сабли, копья и боевые топоры вместе с метательным и защитным вооружением, а также с конским снаряжением принадлежали, скорее всего, профессиональным военным – знатым дружинникам. Топоры (часто универсальных типов) вместе с метательным вооружением и конским набором использовались рядовыми дружинниками, а исключительно метательным оружием снаряжалось народное ополчение. Все эти данные говорят о начавшемся процессе дифференциации болгарского войска, который происходил также в Хазарском каганате, у венгров эпохи Арпадов и в Киевской Руси IX–X вв.

Еще одним характерным элементом дружинной культуры являлись наборные пояса с металлической фурнитурой. Судя по археологическим и изобразительным данным, средневековый евразийский воин носил два пояса – один для колчана и налучья, а второй – для меча или сабли и кинжала [Могильников, 1981. С. 38, рис. 22, 23; Шер, 1966. С. 11, 25–26; Кубарев, 1984. С. 36–39]. Именно второй, богато украшенный металлическими накладками пояс и являлся со времени своего появления у элиты степных народов Центральной Азии отличительным признаком воина. Со времен хунну (сюнну) [Руденко, 1962. С. 44–45] и вплоть до развитого средневековья многочисленные упоминания письменных источников из различных регионов Евразии от Византии до Северного Китая не оставляют сомнений, что наборные пояса в эпоху раннего средневековья отражали происхождение, воинский и сословный статус и заслуги владельца [Распопова, 1965. С. 78–91; Ковалевская, 1972. С. 95–118; Комар, 2005. С. 160–188; Добжанский, 1990. С. 45–80]. По удачному выражению В. Б. Ковалевской, пояс служил «своеобразным паспортом дружинника раннего средневековья и свидетельством его места в дружинной иерархии» [Ковалевская, 1970. С. 144]. Ранговый статус пояса закрепился и в тюркском фольклоре, где золотой пояс был одной из важнейших деталей костюма эпического батыра [Липец, 1984. С. 67–68].

Наборный пояс болгар VIII – первой четверти X в. характеризуется в основном находками из могильников. Репертуар поясных наборов этого периода практически не отличается от аналогичных гарнитур других народов Восточной Европы, продолжавших традиции

Тюркских каганатов и входивших в сферу влияния Хазарского каганата. С юга и юго-востока в Волго-Камье проникает ряд орнаментов, отраженных в поясных накладках – пальметта, лотос, лоза и трилистник. Повлияли на оформление булгарских изделий, видимо, и древние угро-мадьяры, обогатившие их, в частности, накладками с бордюром «венгерского» типа. Чаще других в этот период встречаются подквадратные с прорезью, полукруглые и сердцевидные накладки практически по всей Северной Евразии.

Характерной особенностью поясных наборов этого периода является их относительная цельность, комплектность, так как они были введены в состав погребального инвентаря самими сородичами покойного. К сожалению, огромное количество ограбленных еще в древности погребений сильно затрудняет их социальную атрибуцию. Однако корреляция с наборами вооружения показывает тесную связь поясных наборов с саблями и топорами, а также конскими комплексами [Измайлов, 1989. С. 114–116]. Подобная связь выявлена и для могильников Подонья хазарского времени [Плетнева, 1967. С. 162–166; Плетнева, 1989. С. 272–282]. Сложно все раннебулгарские поясные наборы разнести по рангам, поскольку, с одной стороны, мы имеем дело с искаженной грабителями статистикой погребений (учитывая, что в первую очередь вскрывались именно богатые погребения), а с другой – довольно невелика «глубина» социальной градации наших материалов. В качестве предположения можно сформулировать мысль, что погребения с золотыми и серебряными накладками, а также с клинковым оружием и конским снаряжением (в первую очередь Бураковское (Коминтерновское) погребение) [Мухаметшина, 1999. С. 21–24] принадлежали племенной аристократии, а погребения с поясами с бронзовыми или серебряными накладками, клинковым оружием, копьями и конским снаряжением – знатной части дружины (по доблести или старшинству), тогда как остальная часть погребений с оружием и поясами была, видимо, захоронениями рядовых дружинников.

Распределение вооружения, конского снаряжения и наборных поясов по сословным стратам отражает, несомненно, реальности поляризации войска, закрепление его символического характера в погребально-поминальных обрядах и обычаях. О сакрализации вооружения и обрядов, связанных с его применением, свидетельствуют некоторые письменные источники. Наиболее интересны личные наблюдения Ахмеда Ибн Фадлана, побывавшего в Поволжье в составе посольства багдадского халифа. Описывая обряд похорон знатного булгарина, он указывает, что сородичи вместе с ним поло-

жили, в частности, его оружие [Ковалевский, 1956. С. 140]. Еще более интересно его сообщение о сакрализации личного оружия: «Если они едут в дороге и один из них захочет помочиться и помочится, имея при себе оружие, то его оберут, – возьмут его оружие, его одежды и все, что с ним имеется. Это их правило. А кто сложит с себя оружие, положит его в сторону и (тогда) помочится, то они не препятствуют ему» [Ковалевский, 1956. С. 137]. Очевидно, мы имеем дело с некими этносоциальными традициями почитания оружия у многих тюркских народов, например у дунайских болгар. В одном из ответов папы Николая I на вопросы болгарской аристократии о сопоставимости их обычаев с христианским вероучением читаем: «Вы говорите, что на вашей родине есть обычай: перед боем ваш повелитель посылает самого верного и благоразумного человека для осмотра всего оружия, коней и снаряжения... и те, у кого они окажутся небрежно подготовленными, осуждаются на смерть...» [Хрестоматия... С. 35]. Подобные обычаи и запреты, налагаемые на воинов и их оружие, известны у многих народов мира и идут еще с глубокой древности [Фрезер, 1983. С. 203–222], когда они были частью обрядов посвящения и инициации в мужских союзах, ставших позднее основой особых воинских отрядов – дружин [Элиаде, 1999. С. 212–226]. Отголоски этих представлений о магической силе оружия сохранились в легендах и преданиях различных тюркских народов, у которых распространен сюжет о потустороннем происхождении оружия и боевого коня героя и подчинения их только своему хозяину [Урманчеев, 1984. С. 92, 128]. Истоки всех этих обычаев и ритуальных практик были, видимо, связаны с тем, что само состояние войны требовало выполнения целого ряда ритуалов и установлений.

Именно эти военные ритуалы и верования, которые можно назвать «военной магией», способствовали ритуализации всего процесса вступления в войну. О характере этих ритуалов у волжских болгар судить трудно за неимением прямых указаний источников. Но можно предположить, что они имели какое-то сходство с подобными «обычаями войны» у дунайских болгар. В ответах папы Николая I об этом пишется: «Кроме того, вы спрашиваете, следует ли сразу выступать, получив весть, что надо идти на войну, или есть определенные дни, когда не следует отправляться на войну... Вы рассказываете, что перед выступлением на бой собираетесь, соблюдая определенные дни и часы, чтобы предаться заклинаниям, играм, песням и неким гаданиям...» [Хрестоматия... С. 35]. Для волжских болгар есть некое указание на возможное существование подобного обычая, когда Алмыш не выступает в поход против мятежного племени, а выжидает

некоторое время, предупреждая противника и угрожая применить силу [Ковалевский, 1956. С. 139]. В любом случае обряды и обычаи, связанные с оружием, погребальные обряды, в которых оно играло важную роль социального маркера, свидетельствуют о наличии подобной традиции, восходящей еще к родовому обществу. Но по мере обособления слоя профессиональных воинов от остальной общины эти ритуалы и обряды все более усложняются.

Влияние родовых традиций связано и с самой организацией быта дружины, которая находится непосредственно в ставке правителя, участвует в его походах и поездках по его владениям, кормится вместе с ним на пирах (Ковалевский, 1956. С. 139). Именно это является свидетельством еще не очень развитых военно-сословных отношений у булгар начала X в.

Черты этого дружинного быта нашли отражение в тюрко-монгольском фольклоре [см.: Липец, 1984]. Некоторые элементы этих преданий, бытовавших у булгар, сохранились благодаря упоминаниям в арабо-персидских источниках и сказаниям татарского героического эпоса. Возможности использования фольклора для изучения реальности социальных практик осознаны давно, так же как и сложности, стоящие на пути выявления соответствий между эпическим и реально-историческим обществом. Как писал по этому поводу известный теоретик фольклористики Б. Н. Путилов, «...пафосом героического эпоса является не воспроизведение (пусть в фантастических и устных формах) какой-либо исторически и социально конкретной сферы народной жизни определенной эпохи (или ряда эпох), но создание «своего» мира, «своей» исторической, социальной, бытовой модели, конструкции, обращенной в прошлое и получившей своеобразную историческую окраску. Эпический мир моделирует не конкретную историческую эпоху в жизни определенного общества с его событийной историей, реальными людьми, отношениями, бытом, но комплекс представлений народа о своем прошлом, в котором переплавлены исторический опыт, чаяния и ожидания, традиции предшествующих эпох, – и все это подвергается обработке «эпическим сознанием» и «эпической эстетикой». Эпический мир по существу не поддается реально-исторической идентификации, он не возводим к какому-либо исторически определенному историческому периоду, как равным образом не может быть представлен в виде комбинации элементов, принадлежащих – стадийно и хронологически – разным таким периодам» [Путилов, 1988. С. 8]. Критическое отношение к возможностям фольклора не избавляет нас от необходимости сопоставления эпического мира с различными реалиями, но ставит таким

соотнесениям четкие границы. Обусловлены они тем, что в фольклоре идеальный мир описывается в рамках системы эпического языка. Для подобного сопоставления необходимо выяснить, насколько «дружинные» сюжеты аутентичны булгарской эпохе, понять их связь с общетюркским эпосом и общетипологическими явлениями эпики.

Особого интереса заслуживают сюжеты об *алыпах* (*алпах*) [подробнее см.: Давлетшин, 1990. С. 87–97; Закирова, 2000. С. 17–19]. Во-первых, фрагменты их сохранились в сочинениях средневековых восточных авторов, то есть в этом случае сказания об алыпах представляются аутентичными. С одной стороны, они имеют довольно прямую связь с древним пластом общетюркских сказаний, а с другой – с поздними фольклорными произведениями. Во-вторых, они довольно единообразны и в сообщениях средневековых авторов имеют характер реального (в эпическом смысле), но не сказочного повествования. Иными словами, это определено только небольшая часть разнообразной героической эпики.

Эти фрагменты сохранили яркие следы дружинного быта: алып подчинен правителю и служит ему как воин, всюду следуя за своим повелителем в походах, а его традиционным оружием называется палица или дубина, которая особо почитается [Путешествие, 1971. С. 43]. Большинство алыпов конные воины, чье появление на поле боя решает его исход в пользу булгар [Путешествие, 1971. С. 31]. Бытовали также предания об участии алыпов в строительстве городов, в частности Болгара, и защите территории страны.

В легендах сохранились также черты, указывающие на существование целостной культуры, регламентирующей деятельность воина-батыра: выбор и уход за оружием и верховым конем, способы ведения поединков и войн, кодекс дружинной чести (понятия о доблести, верности, побратимство и т.д.), а также способы воспевания подвигов [Липец, 1984]. Все эти элементы дружинной культуры позволяют говорить об их глубокой древности, уходящей еще в древнетюркское время, но, вместе с тем, свидетельствуют о том, что уже в раннебулгарское время они потеряли свою целостность. Ярким свидетельством этого служит то, что в татарском фольклоре (очевидно, уже в средневековье) не сохранилось целостного героического эпоса, а лишь его фрагменты и отдельные сказания. Скорее всего, возникнув в глубокой древности [Липец, 1984. С. 123], героический эпос в древнетюркскую эпоху под воздействием новых социальных условий постепенно теряет свое значение и трансформируется, меняя свое качество, сохраняясь на периферии устной культуры в виде легенд и преданий.

На рубеже IX–X вв. намечаются качественные изменения в истории булгарского общества. Идет бурный процесс становления единого государства и его институтов. В археологическом материале эта историческая ситуация отразилась самым непосредственным образом [подробнее см.: Халиков, 1989. С. 16–23; Казаков, 1992. С. 298–320; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Казаков, 2001. С. 123–134] – могильники демонстрируют смешение оставивших их этнокультурных групп населения, появляются протогородские поселения, переселяются в Поволжье новые общины, а в культуре появляются новые элементы, связанные с общеевразийской престижной модой и внедрением новой религии – ислама. Одновременно в источниковедческом плане появляются определенные сложности, вызванные тем, что городское население уже к середине X в. было в большей части мусульманским (особенностью его, в частности, было отсутствие погребально-поминального инвентаря). Соответственно, в этот период намечается разрыв в культуре между двумя социальными пространствами – племен, до определенной поры сохранявших язычество и традиционный быт, и городов, где концентрируется новая аристократия и дружина, торговцы и ремесленники, исповедовавшие ислам и использовавшие престижные предметы, имевшие надобщинный характер.

Все эти изменения не могли не отразиться на военном деле, которое приобретает все более определенно черты новой политической системы – этнополитического объединения, во главе которого стояла дружинная знать. В комплексе вооружения X–XI вв. важную роль играли традиционные виды оружия: сабли, копья и боевые топоры, которые изменялись под воздействием условий боевой практики. Развиваются сабельные перекрестья, как изогнутые с шарообразными утолщениями на концах, так и прямые, ромбовидные в плане. Сабельные клинки, по сравнению с предшествующими, удлинняются, становятся уже и приобретают больший изгиб. Среди копий выделяются вытянутые и широкие удлинненно-треугольные формы, а также пики (характерны экземпляры с продольными долами на боевых гранях). Боевые топоры пополняются новыми типами, среди которых все большую популярность получают формы с округлыми щековиками и небольшим подчетыреугольным обушком. Сложные луки со срединными боковыми накладками дополняются луками с концевыми (видимо, вместе с боковыми срединными) накладками [Измайлов, 2011. С. 56–72].

Одновременно идет модификация традиционного набора вооружения и снаряжения дружинника. Он обогащается видами и типами

оружия, которые до X в. были мало распространены: костяные и металлические грушевидные кистени, бронзовые булавы с большими четырехгранными шипами и защитное снаряжение, особенно показательно расширение применения пластинчатого доспеха, кольчуг и шлемов. Изменения коснулись и конского снаряжения, среди которого необходимо выделить новые типы удил («крыльчатые» с псалиями с одинарной петлей гызла, кольчатые без перегиба), а также шпоры и ледоходные шипы.

Ведущим комплексом вооружения становится снаряжение воина-профессионала, который в ту пору составлял основу болгарской армии, ее ударную силу. В своих трудах арабские историки Ибн Русте и Гардизи отмечали, что болгарские воины «ездыт верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» [Хвольсон, 1869. С. 24; Заходер, 1967. С. 32]. Набор дружинного оружия наиболее четко выделяется из основной массы вооружения, что связано не только с его специфичностью (он включал практически все виды оружия: сабли, мечи, пики, чеканы, булавы, кольчуги и металлические доспехи), но и со сравнительной многочисленностью среди находок средств ведения боя (более 74 из 152 предметов оружия X–XI вв.).

Особый интерес вызывает появление в Булгарии X в. комплекса вооружения западного происхождения, который включает каролингские мечи и их фурнитуру, круглые щиты с полушаровидными умбонами, удлинненно-треугольные копья и шпоры. Эти виды оружия демонстрируют распространение у болгар общеевропейских средств вооруженной борьбы. Предпосылки появления западного облика оружия у болгар связаны как с функционированием Волжско-Балтийского торгового пути и укреплением связей Булгарии со странами циркумбалтийского региона, так и с внутренними социальными причинами. Более сложен вопрос о механизме включения в болгарский арсенал оружия западного облика. Начальный этап его связан, скорее всего, с вхождением в болгарскую дружину полиэтнического по происхождению слоя русов, группу которых упоминал в своих записках Ахмед Ибн Фадлан. Судя по источникам, наемные дружины сосредоточивались в ставках князей в городах, где вырабатывалась синкретичная дружинная культура. Постепенно они ассимилировались и интегрировались в состав господствующего класса (об этом может свидетельствовать Балымерское курганное погребение, которое демонстрирует явные черты смешения элементов культур русов и болгар).

Наборные пояса в основном представлены единичными, некомплектными находками на болгарских поселений (Биларское, Бол-

гарское, Кураловское городища, Измерское, Спасское селища и др.). Типы и формы поясных накладок в значительной мере восходят к более ранним прототипам, однако появляется и целый ряд инноваций. Именно в этот период появляется большое количество накладок с новыми и зооморфными мотивами в оформлении, а также увеличивается разнообразие типов накладок, наконечников ремней и пряжек [Валеев, 1975. С. 99–100, рис. 35, 36; Казаков, 1991. С. 127–140, рис. 43–44; Измайлов, 1993. С. 47–54]. Причем, как доказал Е. П. Казаков, булгары не только наладили производство поясной гарнитуры в ряде ремесленных центров в Западного Закамья, но и начали активно распространять ее среди элиты племен Среднего Поволжья и Прикамья [Казаков, 1985. С. 30, рис. 2; Казаков, 2000. С. 87–99]. Однако вопреки мнению Е. П. Казакова подобные социально престижные изделия не могли и не являлись предметом торговых операций. Скорее всего, они служили формой пожалования местной племенной аристократии, материальным свидетельством превращения ее в особую пограничную стражу, обладающую высоким сословным статусом. Не исключено, что свидетельством этих процессов включения племенной аристократии народов Среднего Поволжья и Прикамья в систему правоотношений Волжской Булгарии является тюркский термин, который стал употребляться по отношению к этому населению, – «черемис» как производное от «*чирмыш*» / «воинское ополчение», «служилые люди» [подробнее см.: Ахметьянов, 1989. С. 153].

В этот период из Волжской Булгарии на Южную Русь, особенно в Среднее Приднепровье, проникает целый комплекс как собственно булгарских изделий, так и изготовленных булгарскими ремесленниками по восточным образцам [Орлов, 1990. С. 56–58; Измайлов, 1992. С. 102–113]. Особенно выразительны в этом смысле находки, украшенные пальметтой, так как именно для отлива набора накладок с подобным орнаментом были предназначены две литейные формочки, одна из которых имела по краю арабскую надпись в стиле «куфи» [Гупало, Ивакин, 1980. С. 205–209; Орлов, 1988. С. 118, рис. 2]. Появление накладок булгарского типа на Руси, особенно в дружинных погребениях Киева, Чернигова, Гнездова, характеризует развитые связи Булгарии с Южной Русью в сфере дружинного снаряжения [Орлов, 1988. С. 117–118; Орлов, 1990. С. 57]. В это же время в Булгарии (Биллярское городище, Семеновское V селище) появляются рамчатые пряжки византийского типа с характерными изображениями львов и крылатых грифонов. Одна подобная находка пряжки с грифонами из Биляра отличается от типичных византийских форм, являясь, возможно, их булгарской реминисценцией [Измайлов, 1992. С. 102–113].

Рис. 2. Изображения воинов на костяной накладке на седло
(по: Багаутдинов, Богачев, Zubov, 1998. Рис. 21)

Fig. 2. Images of warriors on a bone pad on a saddle (after: Bagautdinov, Bogachev, Zubov, 1998. Fig. 21)

Гораздо большее влияние оказала Средняя и Передняя Азия (Хорезм, Мавераннахр, Хорасан), откуда происходят образцы металлической гарнитуры, обнаруженные на многих памятниках Волжской Булгарии [Даркевич, 1976. С. 50–51, рис. 39–41; Казаков, 1991. С. 149–150, рис. 43, 27–30].

В этот период появляется также новая группа поясных и уздечных накладок, в основном – железная гарнитура. В последнее время она привлекла повышенное внимание археологов. Подробно состав их изучен в трудах казанского археолога К. А. Руденко, который составил подробную их классификацию, способ употребления и атрибуцию [Руденко, 2001. С. 17–86]. В целом анализ, проведенный автором, не вызывает сомнений, кроме двух принципиальных моментов.

Исследователь априори полагал, что все эти изделия относятся к кругу «аскизской» культуры [Руденко, 2001. С. 13 и далее], считая, что их распространение связано с «влиянием непосредственных носителей аскизской культуры» [Руденко, 2004. С. 27]. При этом автор прямо указывал, что «территория распространения изделий аскизского типа и их разновидностей охватывает территорию расселения мордвы-эрзи, муромы, хазаро-булгаро-мордовского населения Посурья, собственно Булгарии, часть марийских племен и северных удмуртов» [Руденко, 2004. С. 25]. Из этой бездоказательной декларации может показаться, что археологи имеют дело с неким этнокультурным феноменом, сравнимым с миграцией многотысячного населения

или созданием огромной империи. Кроме того, что ничего подобного ни в одном источнике, повествующем о событиях X–XI вв., не сообщается, а массовое переселение орд кыргызов на запад было просто невозможно, поскольку в этот период времени кыргызское общество переживало серьезный упадок, связанный с падением их великодержавия и распадом их государства на отдельные владения и возвышением киданьской империи Ляо [см.: Худяков, 1986. С. 60–63; Худяков, 2003. С. 187–201]. В этих условиях ни о какой экспансии на запад невозможно говорить серьезно.

Но гораздо более важна сама система этих поясных гарнитур. Существенно важен тот факт, что характерных для этой культуры изделий железной поясной фурнитуры с серебряной и золотой аппликацией [Кызласов, 1981. С. 200–207, рис. 74; Кызласов, 1983. С. 48–51, табл. XXI–XXII] в Волго-Уральском регионе в XI–XII вв. просто не обнаружено. Тогда как других типов железных поясных накладок в Волго-Камье на порядок больше, чем в Хакасско-Минусинской котловине [Ср.: Кызласов, 1983. С. 11–21; Руденко, 2001. С. 17–86]. Особо следует указать на то, что для самого Минусинского региона данный комплекс имел не этнокультурную, а этносоциальную привязку. Использовался он кочевой знатью – собственно кыргызами, тогда как культура податного сословия кыштымов, включая погребальный обряд и состав погребального инвентаря, значительно от них отличались. Различия эти были зафиксированы археологами и касались не только поминально-погребального инвентаря, но и самого обряда (трупоположение вместо трупосожжения) [см.: Худяков, 1982. С. 214–221; Худяков, 1986; Бутанаев, Худяков, 2000. С. 90–144].

Очевидно, что мы в этом случае имеем дело отнюдь не с миграцией, а с совершенно иным историческим феноменом, имеющим не этнический, а социокультурный характер. Все эти находки относятся к поясному набору (боевой и саадачный пояс) и конской упряжи и принадлежат кругу изделий с довольно узкой сферой применения, характеризую воинское и всадническое снаряжение степной аристократии. Вполне очевидно, что этот дружинный набор не является в первую очередь свидетельством контактов булгарского средневекового общества, скорее не в этнокультурном, а в социальном пространстве. На примере этой поясной гарнитуры явно видно вовлечение булгарской элиты в новую систему моды, идущую на смену салтово-маяцким традициям, а также включение в ее состав тюрко-кыпчакских элементов.

Вызывает возражения и предложенная К. А. Руденко дата появления этого комплекса в Булгарии как конец X – начало XI в. [Руденко,

2001. С. 71–77; Руденко, 2004. С. 26–27]. Факты упрямо противоречат этому предположению. Во-первых, есть одна находка с четко фиксированной датой, которая не укладывается в предложенные рамки. Это погребение 147 из II Билярского могильника, где умерший сопровождался деталями поясной гарнитуры центральноазиатского типа [Халикова, 1976. С. 126–127, рис. 68]. Тщательные исследования топографии и стратиграфии этого могильника Е. А. Халиковой в 1969 г. позволили выяснить, что этот могильник существовал в момент возникновения городского поселения и с самого начала был мусульманским, но уже в середине – второй половине X в., когда в городе начали строить валы и рвы внутреннего города, часть этого могильника была перекрыта оборонительными сооружениями, и спустя некоторое время он прекратил свое существование [Халикова, 1976. С. 126–127]. Эти наблюдения были позднее развиты и дополнены Ф. Ш. Хузиным, который создал стройную систему датировки всего Билярского городища и места в исторической топографии этого могильника. Многолетними исследованиями ему удалось доказать, что укрепления внутреннего города возникли еще в первой половине X в. [Хузин, Кавеев, 1985. С. 41–57; Хузин, 2001. С. 91, 93].

Поскольку нет веских оснований для пересмотра всей Билярской хронологии в пользу его омоложения, то датировать погребения II Билярского могильника позднее середины X в. нет никаких оснований. Впрочем, ранние находки этого круга изделий отнюдь не исключение. Можно также отметить, что, анализируя материалы ранних поселений Булгарии, Е. П. Казаков также указывал подобные накладки в числе инноваций середины X – начала XI в. [Казаков, 1992. С. 298–320]. Эти даты имеют принципиальное значение, поскольку показывают всю абсурдность теории об «аскизском» комплексе в Булгарии. Ведь, по мысли ее создателей, получается, что находки этой железной фурнитуры появились в Биляре еще до того, как возникла сама аскизская культура в Минусинской котловине. Следовательно, весь этот комплекс специфичной поясной гарнитуры возникает в Булгарии гораздо ранее, чем подобные формы стали характерным элементом дружинной культуры в Минусинской котловине и явным образом не связаны с этим регионом.

Главным недостатком этнокультурного анализа этого комплекса, проделанного К. А. Руденко, следует признать то, что он полагал, что весь этот комплекс возник в Минусинской котловине и сразу в единстве своих элементов. Автор не учитывал, что, поскольку речь идет о комплексе социально-престижных изделий, он имел синкретичный характер, а не видоизменение предшествующего этапа разви-

Рис. 3. Изображение воина на блюде. Волжская Булгария. X в. Клад у с. Мужы, Тобольская губ. (по: Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. Табл. 56, 2)

Fig. 3. Image of a warrior on a platter. Volga Bulgaria. 10th century Treasure near the village Muzhi, Tobolsk province. (according to: Darkevich V.P. Artistic metal of the East. VIII–XIII centuries. M.: Nauka, 1976. Table. 56, 2)

тия. В качестве иллюстрации сложности появления этого комплекса можно, в частности, привести фигурные щитки на кольцах, являющиеся важной и выразительной частью «аскизского» комплекса, не являющиеся результатом местного развития. Ближайшие аналогии этим деталям пояса обнаружены в конце I тыс. н. э. в памятниках салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967. С. 44], раннебулгарских могильниках [Генинг, Халиков, 1964. Табл. XVII, 13] и могильниках Прикамья [Памятники ломоватовской культуры, 1970. Табл. 40, 13–15, 21]. Вместе с этими находками распространяются в Центральной Азии подвесные шарнирные бляхи и пинцеты с расширенными кон-

цами и датируются XI–XII вв. Вполне очевидно, что подобная мода, распространившаяся в X–XI вв. по просторам Евразии, была связана с новой модой, знаменовавшей культурные изменения в эпоху падения древнетюркских каганатов и формирования новых государств.

Очевидно, было культурное пространство, где соединились два потока культурных инноваций с Запада из района Хазарского каганата и с Востока – из Империи Ляо, которым стало возникшая в это время сросткинская культура, оставленная кимако-кыпчакскими племенами, во главе которых стоял род татар [Кумеков, 1972. С. 35–47; Савинов, 1984. С. 103–118; Кляшторный, Савинов, 1994. С. 133–148]. Она оказала воздействие на культуру енисейских кыргызов и, в свою очередь, обогатившись целым рядом новаций, повлияла на формирующуюся культуру булгар.

Археологическим отражением влияния этого импульса в Волго-Уральском регионе являются Житимакские и Мрясимовские курганы, II Акимбетовский курган и др. Все они, судя по находкам монет начала – середины X в., могут быть отнесены ко времени X – начала XI в. Характерно, что Мрясимовские курганы содержат железную длиннощитковую пряжку. Датировка ее также укладывается в период до становления аскизской культуры [Мажитов, 1981. С. 133–159, рис. 75, 4]. Позднее эти элементы сохранялись в родственной сросткинской ба-сандайской культуре [Савинов, Новиков, Росляков, 2008., Рис. 5, 1–3; 34, 12; 67; 125, 7]. Одновременно с этим кыпчакским импульсом в дружинную культуру булгар включаются новые элементы оформления конской сбруи – крупные круглые бронзовые или серебряные пластины и костяные подтреугольные подвески для подпружных ремней.

Как бы то ни было, но булгарская дружинная культура в X в. обогатилась набором железной фурнитуры для пояса и конской узды. Она стала в XI – первой трети XIII в., очевидно, самой популярной формой поясной фурнитуры и широко распространилась не только у булгар, но и у племен, находившихся под их культурно-политическим влиянием – в Посурье, Марийском Поволжье, Верхнем Прикамье и т.д.

Таким образом, можно отметить, что набор оружия у булгарского дружинника X–XI вв. включал как традиционные, так и заимствованные средства борьбы, был достаточно однороден и ограничен определенным минимумом оружия и снаряжения (учитывая отсутствие скандинавских ланцетовидных копий и русских форм секир). Особенностью развития снаряжения всадника является соединение двух видов управления конем и соответствующей посадки в седле: «восточной» – с помощью плети (всего известно около 50 наверший)

и «западной» – шпор. Хотя последний не был, очевидно, широко распространен, но он демонстрирует влияние различных культурных центров и внедрение в болгарское военное дело новшеств, связанных с общеевропейской системой ведения боя. Такая избирательность подтверждает определенный характер заимствования новых элементов вооружения и снаряжения, обусловленный эволюцией социальной структуры и военной организации болгарского общества [Измайлов, 2008. С. 107–110].

Характерной особенностью формирующейся болгарской дружины и ее культуры является особый набор компонентов, основу материального мира которого составляли социально-престижные изделия, в значительной мере заимствованные из средневековой евразийской моды. Есть основания полагать, что само возникновение этого комплекса связано с культурным импульсом из Центральной Азии, исходящим из Киданьской империей Ляо и посредством кыпчакского мира.

Судя по всему комплексу материалов, местом формирования этой культуры становятся протогородские центры. Именно в них накапливается новый социальный материал, не связанный тесными узами с родовым обществом и благодаря обширным торговым связям получивший доступ к социально-престижным изделиям циркумбалтийского региона и мусульманского мира. Кроме того, здесь создается производственная база, позволяющая перерабатывать полученный в виде налогов и даней прибавочный продукт и обслуживать культурные запросы аристократии и дружины. Следовательно, процессы становления государства, рост городов и активное включение в мировую торговлю по волго-балтийскому пути способствовали не только углублению классовообразования, но и выделению слоя дружины со своей материальной и духовной культурой.

Консолидации этого социального слоя и противопоставлению его традиционной племенной культуре способствовало также принятие ислама. В первой трети X в. ислам распространился среди части населения, в основном горожан и некоторых общин-земледельцев, а также правителя и его окружения. Ахмед Ибн Фадлан зафиксировал еще довольно много доисламских традиционных верований, обычаев и обрядов [См.: Казаков, 1993. С. 12–22]. Но уже во второй половине X в. ислам повсеместно распространился по стране. Традиционные обряды и обычаи, связанные с военным делом, исчезли или были переосмыслены в новых традициях [см.: Давлетшин, 1990. С. 87–110].

Большую роль в дружинном этосе начинает занимать религиозный мотив «священной войны». По свидетельству источников, бул-

гары «со всяким войском кафиров, сколько бы его не было, они сражаются и побеждают» [Бартольд, 1965. С. 345]. Видимо, все воинские обряды также получают с этого времени мусульманское осмысление. Очевидно, в этот период происходила переработка дружинного эпоса и его героев в исламском духе. Характерным примером этого является произведение тюркоязычной литературы «Кисекбаш Китабы» [Ахметгалеева, 1979], в котором используется древний сюжет борьбы с дивом и спасения прекрасной девушки из темницы. Но в данном литературном памятнике происходит совмещение традиционной эпикки с мусульманской агиографией. В нем главным героем становится Али – «лев Аллаха», самый «светский» из всех мусульманских святых, чей культ был связан с образом воина, странствующего рыцаря, который совершал подвиги во имя правды и справедливости [Снесарев, 1983. С. 52–53]. Есть основания полагать, что культ Али был особенно популярен в среде восточного рыцарства. «Кисекбаш Китабы» насыщено сложной исламской символикой, которая проглядывает за традиционными эпическими образами и формулами. К ним можно отнести мотивы борьбы с неверными, божественной помощи пророка своему вассалу, мучения и воздаяния за веру, а также разделение всех героев и всего эпического пространства на два мира – «мира Аллаха» и «мира дива (иблиса)» и т.д.

Мотивы борьбы за веру и противостояния силам зла и неверия, не характерные для героического эпоса, появились в «Кисекбаш Китабы» после переосмысления его как произведения, призванного утверждать триумф веры в борьбе с силами зла. Здесь же борьба ведется вполне земным оружием, а эпическое общество строится на тех же взаимоотношениях князя и дружины, что и в героическом эпосе. Не принципиальна разница в том, что место правителя занимает образ Пророка. Просто она еще раз подчеркивает, что трансформация и запись этого дастана произошла на ранней стадии внедрения ислама в военно-дружинную среду, когда еще были актуальны мотивы прямой борьбы за веру. Важной сюжетной линией этого произведения проходит мысль, что герои «Кисекбаш Китабы» – это верные дружинники Аллаха, а их подвиги призваны укрепить его власть. Укреплению нового общественного порядка способствовала также одна из центральных идей этого произведения, которая акцентировала внимание на том, что сохранение существующего общества возможно лишь при условии строгого выполнения обязанностей всеми его членами. Князья справедливо правят подданными, а те, в свою очередь, выполняют обязанности перед властью. Такое понимание идеального устройства мира, в строгом следовании соотношения ди-

хотомии вассалитета и сюзеренитета, укладывается в систему формирующейся военно-дружинной организации.

Вместе с тем следует отметить, что подобные изменения в духовной культуре военного сословия переживали этап становления. Ведь по форме и эпическому языку эти произведения были близки героическому эпосу, хотя и насыщались новым мусульманским содержанием. В дальнейшем внедрение ислама позволило булгарам приобщиться к культуре восточного рыцарства и во многом усвоить ее, перерабатывая в соответствии со своими традициями военно-служилой среды и этоса.

Иными словами, формирование дружинной культуры булгар прошло ряд этапов, постепенно развиваясь от раннеклассовых к средневековым формам. Причем изменения претерпевали не только предметы вооружения, но и этос воинов. От сообщества равных, служивших общине в лице своего военачальника, дружинники постепенно становятся иерархической системой, подчиненной власти правителя, обязанной ему своим благосостоянием и жизнью и стоящей над остальным обществом. В материальной культуре эта тенденция особенно заметна при анализе эволюции предметов вооружения и поясной гарнитуры, а в духовной – в трансформации героического эпоса в мусульманском духе, в духе борьбы за веру против неверных.

*Материал поступил в редакцию
Received
10.11.2022*

Список литературы

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш Китабы». М.: Наука, 1979. 191 с.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989. 200 с.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень. XXII век, 1998. 286 с.

Бартольд В. В. Введение к изданию «Худуд-ал-Алам» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1965а. С. 504–545.

Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. 272 с.

Валеев Ф. Х Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М.: Наука, 1964. 221 с.

Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопр. ист. 1984. № 9. С. 17–28.

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: Прометей, 1989. 124 с.

Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. О ремесленном производстве на Киевском Подоле // Сов. археол. 1980. №3. С. 205–209.

Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура (X – начало XIII в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 164 с.

Закирова И. Г. Народное творчество болгарского народа. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2000. 24 с.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. 212 с.

Измайлов И. Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // Ранние булгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1989. С. 107–121.

Измайлов И. Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 102–113.

Измайлов И. Л. Наборные пояса как элемент дружинной культуры волжских болгар VIII–XIII вв. (к постановке проблемы) // Культура, искусство татарского народа. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1993. С. 47–54.

Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Магадан; Казань: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Казаков Е. П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII веках // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИЭ, 1985. С. 24–37.

Казаков Е. П. О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1989. С. 12–22.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

Казаков Е. П. О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С. 12–22.

Казаков Е. П. Начальная история Волжской Булгарии // Очерки по археологии Татарстана: Учеб. пособие. Казань: Школа, 2001. С. 123–134.

Казаков Е. П. Измери – главный торговый пункт Волжской Булгарии (конец X – XI в.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. СПб.: Вести, 2000. С. 87–99.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит. / Общ. ред. В.И. Уколовой. М.: Прогресс, 1987. 384 с.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л.: Наука, 1971. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. 92 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144–155.

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 95–118.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та, 1956. 347 с.

Комар А. В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев; Судак: Академперіодика, 2005. С. 160–188.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.: Наука, 1988. С. 140–269.

Кызласов И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 200–207.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 230 с.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 29–42.

Мухаметшина А. С. Коминтерновский курган. Проблемы атрибуции и датировки // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию А.П. Смирнова. Болгар: БГИАМЗ, 1999. С. 21–24.

Орлов Р. С. Художественная культура городов «Русской земли» в IX–X вв. // Труды V Межд. конгресса археологов-славистов. Киев: Наука думка, 1988. Т. 2. С. 115–120.

Орлов Р. С. Художественные связи Южной Руси с Волжской Булгарией в X–XI вв. // Археологическое изучение микрорайонов. Итоги и перспективы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. С. 56–58.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 225 с.

Распопова В. И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // Сов. археология. 1965. № 4. С. 78–91.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2004. 47 с.

Руденко С. И. Культура гуннов и ноинулинские курганы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 278 с.

Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970. С. 23–33.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 423 с.

Серегин Н. Н., Тишин В. В. Дружина у тюрков Центральной Азии (основные аспекты интерпретации письменных и археологических источников) // Восток (Oriens). 2018. № 6. С. 47–65.

Снесарев Г. П. Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.

Стефанович П. С. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. 2009. Вып. 8. С. 6–51.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

Халикова Е. А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск: Университет, 1987. 272 с.

Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. 200 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 240 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1986. 80 с.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф. Ш. Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: РухИЛ, 2006а. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. С. 139–150.

Хузин Ф. Ш., Кавеев М. М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

Чернецов А. В. К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Тез. докл. Чернигов: Наукова думка, 1985. С. 55–58.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

References

Arutyunov S. A. Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodejstvie. M.: Nauka, 1989. 247 s.

Ahmetgaleeva Ya. S. Issledovanie tyurkoyazychnogo pamyatnika «Kisekbash Kitaby». M.: Nauka, 1979. 191 s.

Ahmet'yanov R. G. Obshchaya leksika material'noj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. M.: Nauka, 1989. 200 s.

Bagautdinov R. S., Bogachev A. V., Zubov S. E. Prabolgary na Srednej Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya). Samara: Polden'. XXII vek. 1998. 286 s.

Bartol'd V. V. Vvedenie k izdaniyu «Hudud-al-Alam» // Bartol'd V.V. Sochineniya. T.VIII. M.: Nauka, 1965a. S. 504–545.

Burd'e P. O simvolicheskoy vlasti // Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. M.: In-t eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007. S. 87–96.

Butanaev V. Ya., Hud'akov Yu. S. Istoriya enisejskih kyrgyzov. Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta, 2000. 272 s.

Valeev F. H. Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ya. Joshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo, 1975. 214 s.

Gening V. F., Halikov A. H. Rannie bolgary na Volge: Bol'she-Tarhanskij mogil'nik. M.: Nauka, 1964. 221 s.

Gorskij A. A. Druzhina i genesis feodalizma na Rusi // Voprosy istorii. 1984. № 9. S. 17–28.

Gorskij A. A. Drevnerusskaya družhina (K istorii genezisa klassovogo obshchestva i gosudarstva na Rusi). M.: Prometej, 1989. 124 s.

Gupalo K. N., Ivakin G. Yu. O remeslennom proizvodstve na Kievskom Podole // SA. 1980. № 3. S. 205–209.

Davletshin G. M. Volzhskaya Bulgariya: duhovnaya kul'tura (X – nachalo XIII vv.). Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1990. 192 s.

Darkevich V. P. Hudozhestvennyj metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoj torevtiki na territorii evropejskoj chasti SSSR i Zaural'ya. M.: Nauka, 1976. 199 s.

Dobzhanskij V. N. Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1990. 164 s.

Zakirova I. G. Narodnoe tvorchestvo bulgarskogo naroda. Avtoref. diss ... kand. filol. nauk. Kazan': IYALI AN RT, 2000. 24 s.

Zahoder B. N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane. M.: Nauka, 1967. 212 s.

Izmajlov I. L. Oruzhie blizhnego boya volzhskih bulgar VIII–X vv. // Rannie bulgary v Vostochnoj Evrope. Kazan': IYALI KNC AN SSSR, 1989. S. 107–121.

Izmajlov I. L. Voенно-druzhinnye svyazi Volzhskoj Bulgarii s YUzhnoj Rus'yu v X–XI vv. // Put' iz Bulgara v Kiev. Kazan': IYALI KNC RAN, 1992. S. 102–113.

Izmajlov I. L. Nabornye poyasa kak element družinnoj kul'tury volzhskih bulgar VIII–XIII vv. (k postanovke problemy) // Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda. Kazan': IYALI KNC RAN, 1993. S. 47–54.

Izmajlov I. L. Vooruzhenie i voенное дело naseleniya Volzhskoj Bulgarii X – nachala XIII vv. Magadan-Kazan': Izd-vo SVNC DVO RAN, 1997. 212 s.

Izmajlov I. L. Zashchitniki «Steny Iskandera». Vooruzhenie, voенное iskusstvo i voennaya istoriya Volzhskoj Bulgarii X–XIII vv. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2008. 206 s.

Kazakov E. P. O haraktere svyazej volzhskih bulgar s finnami i ugrami v X–XII vekah // Drevnie etnicheskie processy Volgo-Kam'ya. Joshkar-Ola: Izd-vo MarNIYALIE, 1985. S. 24–37.

Kazakov E. P. O yazycheskoj kul'ture volzhskih bolgar (po arheologicheskim dannym) // Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, tradicii, vzaimosvyazi. Kazan': IYALI KNC AN SSSR, 1989. S. 12–22.

Kazakov E. P. Kul'tura rannej Volzhskoj Bulgarii. M.: Nauka, 1992. 335 s.

Kazakov E. P. O yazycheskoj kul'ture volzhskih bolgar (po arheologicheskim dannym) // Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda. Kazan': IYALI AN RT, 1993. S. 12–22.

Kazakov E. P. Nachal'naya istoriya Volzhskoj Bulgarii // Ocherki po arheologii Tatarstana. Uchebnoe posobie. Kazan': Shkola, 2001. S. 123–134.

Kazakov E. P. Izmeri – glavnyj torgovyj punkt Volzhskoj Bulgarii (konec X–XI vv.) // Slavyane, finno-ugry, skandinav, volzhskie bulgary. SPb.: Vesti, 2000. S. 87–99.

Kardini F. Istoki srednevekovogo rycarstva: Per. s it. / Obshch. red. V. I. Ukolovoj. M.: Progress, 1987. 384 s.

Kirpichnikov A. N. Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3. Dospekh, kompleks boevyh sredstv IX–XIII vv. L.: Nauka, 1971. 92 s.

Klyashtornyj S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii drevnej Evrazii. SPb.: Farn, 1994. 165 s.

Kovalevskaya V. B. K izucheniyu ornamentiki nabornyh pojasov VI–IX vv. kak znakovoy sistemy // Statistiko-kombinatornye metody v arheologii. M.: Nauka, 1970. S. 144–155.

Kovalevskaya V. B. Bashkiriya i evrazijskie stepi IV–IX vv. (po materialam pojasnyh naborov) // Problemy arheologii i drevnej istorii ugrov. M.: Nauka, 1972. S. 95–118.

Kovalevskij A. P. Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii. Har'kov: Izd-vo Har'kovskogo gos. un-ta, 1956. 347 s.

Komar A. V. Rangovaya semantika nabornyh pojasov kochevnikov Vostochnoj Evropy VII – nach. VIII v. // Sugdejskij sbornik. Vyp. II. Kiev; Sudak: Akademperiodika, 2005. S. 160–188.

Kubarev V. D. Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1984. 230 s.

Kubbel' L. E. Vozniknovenie chastnoj sobstvennosti, klassov i gosudarstva // Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epoha klassoobrazovaniya. M.: Nauka, 1988. S. 140–269.

Kyzlasov I. L. Askizskaya kul'tura (srednevekoveye hakasy X–XIV vv.) // Step'i Evrazii v epohu Srednevekov'ya / Arheologiya SSSR. M.: Nauka, 1981. S. 200–207.

Kyzlasov I. L. Askizskaya kul'tura YUzhnoj Sibiri X–XIV vv. M.: Nauka, 1983. 230 s.

Lipic R. S. Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose. M.: Nauka, 1984. 263 s.

Mazhitov N. A. Kurgany YUzhnogo Urala VIII–XII vv. M.: Nauka, 1981. 163 s.

Mogil'nikov V. A. Tyurki // Step'i Evrazii v epohu srednevekov'ya. M.: Nauka, 1981. S. 29–42.

Muhametshina A. S. Kominternovskij kurgan. Problemy atribucii i datirovki // Bolgar i problemy izucheniya drevnostej Uralo-Povolzh'ya. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu A. P. Smirnova. Bolgar: BGIAMZ, 1999. S. 21–24.

Orlov R. S. Hudozhestvennaya kul'tura gorodov «Russkoj zemli» v IX–X vv. // Trudy V Mezhd. kongressa arheologov-slavistov. T. 2. Kiev: Nauka dumka, 1988. S. 115–120.

Orlov R. S. Hudozhestvennye svyazi Yuzhnoj Rusi s Volzhskoj Bulgarijei v X–XI vv. // Arheologicheskoe izuchenie mikrorajonov. Itogi i perspektivy. Voronezh: Izd-vo VGU, 1990. S. 56–58.

Pletneva S. A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura. M.: Nauka, 1967. 198 s.

Pletneva S. A. Na slavyano-hazarskom pogranich'e. Dmitrovskij arheologicheskij kompleks. M.: Nauka, 1989. 288 s.

Putilov B. N. Geroicheskiy epos i dejstvitel'nost'. L.: Nauka, 1988. 225 s.

Raspopova V. I. Poyasnoj nabor Sogda VII-VIII vv. // SA. 1965. № 4. S. 78–91.

Rudenko K. A. Tyurkskiy mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv. Izdeliya askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog. Kazan': Zaman, 2001. 256 s.

Rudenko K. A. Processy etnokul'turnogo vzaimodejstviya v Volgo-Kam'e v konce X–XIV vv. po arheologicheskim dannym. Avtoref. diss. ... dok. ist. nauk. Izhevsk, 2004. 47 s.

Rudenko S. I. Kul'tura gunnov i noinulinskie kurgany. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 278 s.

Rybakov B. A. O dvuh kul'turah russkogo feodalizma // Leninskie idei v izuchenii istorii pervobytnogo obshchestva, rabovladieniya i feodalizma. –M.: Nauka, 1970. S. 23–33.

Savinov D. G. Narody YUzhnoj Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu. L.: Izd-vo LGU, 1984. 174 s.

Savinov D. G., Novikov A. V., Roslyakov S. G. Verhnee Priob'e na rubezhe epoh (Basandajskaya kul'tura). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2008. 423 s.

Seregin N. N., Tishin V. V. Druzhina u tyurkov Central'noj Azii (osnovnye aspekty interpretacii pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov) // Vostok (Oriens). 2018. № 6. S. 47–65.

Snesarev G. P. Horezmijskie legendy kak istochnik po istorii religioznyh kul'tov Srednej Azii. M.: Nauka, 1983. 212 s.

Stefanovich P. S. «Druzhina» v drevnejšem russkom letopisanii // Srednevekovaya Rus'. 2009. Vyp. 8. S. 6–51.

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, družiny: voenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekah. M.: Indrik, 2012. 656 s.

Frezer D. D. Zolotaya vetv'. M.: Politizdat, 1983. 703 s.

Halikova E. A. Bilyarskie nekropoli // Issledovaniya Velikogo goroda. M.: Nauka, 1976. S. 113–168.

Hrestomatiya po istorii yuzhnyh i zapadnyh slavyan. Minsk: Universitet, 1987. 272 s.

Hvol'son D. A. Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah Abu-Ali Ahmeda ben Omar Ibn-Dasta. SPb.: Tip. Imp. Akademii nauk, 1869. 200 s.

Hudjakov Yu. S. Kyrgyzy na Tabate. Novosibirsk: Nauka, 1982. 240 s.

Hudyakov Yu. S. Kyrgyzy na Enisee. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1986. 80 s.

Huzin F.Sh. Bulgarskij gorod v X – nachale XIII vv. Kazan': Master-Lajin, 2001. 480 s.

Huzin F. Sh. Social'no-politicheskoe ustrojstvo. Obshchestvennye otnosheniya // Istoriya tatar s drevnejshih vremen. V 7 t. T. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. Kazan': Izd-vo «RuhIL», 2006a. S. 139–150.

Huzin F. Sh., Kaveev M. M. Issledovaniya vnutrennej linii oborony Biylarskogo gorodishcha // Voенно-oboronitel'noe delo domongol'skoj Bulgarii. Kazan': IYALI KFAN SSSR, 1985. S. 41–57.

Chernecov A. V. K harakteristike yazycheskoj družhinnoj kul'tury Chernigovshchiny // Chernigov i ego okruga v IX–XIII vv. Tezisy dokladov. Chernigov: Naukova dumka, 1985. S. 55–58.

Sher Ya. A. Kamennye izvayaniya Semirech'ya. M., L.: Nauka, 1966. 139 s.

Eliade M. Tajnye obshchestva. Obryady iniciacii i posvyashcheniya. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 356 s.

Список сокращений

АЕС – Археология евразийских степей

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук СССР

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории

КНЦ – Казанский научный центр

КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МарНИИЯЛИЭ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НГУ – Новосибирский государственный университет

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН

СО РАН – Сибирское отделение РАН

Сведения об авторе

Измайлов Искандер Лерунович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (410111, ул. Батурина, 7, г. Казань, Российская Федерация). E-mail: ismail@inbox.ru

Information about the author

Izmailov Iskander Lerunovich – Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates named after M. A. Usmanov of the Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (410111, Baturina str., 7, Kazan, Russian Federation). E-mail: ismail@inbox.ru